

Сергеев В.М., д.п.н., проф. МГИМО, директор Центра глобальных проблем
МГИМО, Казанцев А.А., к.п.н., с.н.с. Центра евроатлантической безопасности МГИМО.

СТРУКТУРЫ МИРОВОГО ПОРЯДКА: ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ

(Космополис. – 2008. – №1(20).)

Типология мировых порядков остается практически неизученной в современной теории международных отношений. Существуют лишь отдельные подходы к исследованиям такого рода в рамках геополитики¹ и мирсистемных теорий². В то же время анализ различных типов мирового порядка приобретает чрезвычайно большую актуальность по мере стремительного разворачивания процессов глобализации. Эта проблема становится основной для таких ключевых дискуссий современности, как

---

¹ См., например, классические работы по геополитике: Ratzel F. *Politische Geographie*. Munich: R. Oldenbourg, 1897; Mahan A. *The Influence of Seapower upon History 1660-1783*. London, 1890. Mahan A. *The influence of sea power upon the French revolution and empire*. Boston, 1892; Vidal de la Blache “*Principes de geographie humaine*”, Paris, 1921; Маккиндер Х.Дж. *Географическая ось истории* // *Полис*. № 4 1995; Mackinder H. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. New York, 1919; Mackinder H., “*The Round World and the Winning of the Peace*,” *Foreign Affairs*, vol. 21, no. 4, (July 1943); Трубецкой Н. *О туранском элементе в русской культуре* // *Евразийский временник*, 1925, кн. 4, с. 351-377; Савицкий П. *Степь и оседлость* // *На путях: Утверждение евразийцев*. Москва; Берлин, 1922; Хаусхофер К. *О геополитике. Работы разных лет*. М.: Мысль, 2001; Schmitt C. *Der Nomos der Erde*, Koeln, 1950; Schmitt C. *Land und Meer*. Leipzig, 1942; Spykman N. *The Geography of the Peace*, New York: Harcourt, Brace and Company, 1944; Spykman N. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.

² Wallerstein I. *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. N.Y., L. 1974; Wallerstein I. *The Capitalist World-Economy*. Cambridge. 1979; Wallerstein I. *The Modern World-System, II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600 – 1750*. N.Y., 1980; Wallerstein I. *The Modern World-System III: The Second Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730 – 1840's*. San Diego., 1989; Wallerstein I. *Historical Capitalism*. L., 1983; Wallerstein I. *The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations*. Cambridge., 1984; Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. Спб. 2001; Бродель Ф. *Структуры повседневности: возможное и невозможное*. М., 1986; Бродель Ф. *Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.* М. Т. 1 -3., 1986/1992; Бродель Ф. *Что такое Франция? Кн. 1-3*. М., 1994/1997.

вопрос об эффективности глобального управления, желательности или нежелательности установления «мирового правительства», а также споров между сторонниками различных моделей мирового порядка: однополярного, многополярного и т.д.

В рамках данной работы мы попытаемся проанализировать возможные типы мирового порядка: в рамках каких социальных общностей и в каких ситуациях они возникают, какова их типология, от каких факторов зависит их смена, и существуют ли какие-то регулярные закономерности в этой смене. Мы также попытаемся конституировать исследование мировых порядков в качестве отдельной субдисциплины внутри изучения глобальных проблем (global studies).

Попытка такого масштаба, рассматривающая мировую историю с точки зрения поиска эмпирических закономерностей, по определению требует очень большого количества примеров. Ограниченные масштабы статьи, к сожалению, вынуждают нас значительно ограничить количество примеров, иллюстрирующих теоретические положения.

Структуры мирового порядка как относительно замкнутые системы коммуникаций.

Мы предлагаем рассматривать структуры мирового порядка как регулярные коммуникационные взаимодействия различных политий или политических систем.³ Политическая система не обязательно синонимична государству. Функции политических систем могут играть и другие формы объединения людей (родоплеменные структуры, полисы, разбойничьи и пиратские братства, религиозные объединения, купеческие корпорации и компании, различные добровольные ассоциации и т.д.). Политии могут быть

---

³ О коммуникационной модели социума – см., например: Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit, 5 Aufl. Neuwied am Rhein — B., 1971; Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2000; Хабермас Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории. М.: Наука, 2001; Хабермас Ю. Политические работы. М., 2005.

как полностью самостоятельными, так и относительно автономными частями более крупных политических систем. При этом они должны иметь возможность (не обязательно юридически оформленную) более или менее автономно коммуницировать с другими политическими системами.

Для структур мирового порядка характерно противоречие, отмеченное еще Аристотелем на примере анализа политической жизни.⁴ Это – трагическое противоречие между чистым господством и коммуникацией. Оно сохраняется на протяжении всей жизни любой структуры мирового порядка. Господство и коммуникация противоречат друг другу и, одновременно, идут рука об руку, создавая и поддерживая структуры мирового порядка. С необходимостью для того, чтобы господствовать, нужно каким-то образом коммуницировать. В то же время отношения международных субъектов протекают в условиях анархии при отсутствии высшей власти, гарантирующей порядок. Еще Т. Гоббс описал такую ситуацию как «войну всех против всех».⁵ В этих условиях коммуникация может быть средством установления господства одной политики над другой. В этом плане каждая из структур мирового порядка может быть описана как определенное уникальное соотношение двух указанных выше факторов.

Хорошей метафорой для мирового порядка являются поведенческие иерархии у социальных животных, построенные как структуры насилия, направленного на оптимизацию агрессии внутри определенной общности.⁶ Подобно этому международные субъекты могут создавать между собой различные иерархические структуры, представляющие собой механизмы уравнивания агрессии насилием. Примером могут служить различные балансы сил или конструкции мировых империй, силой создающие «имперский мир» на грандиозных пространствах Ойкумены.

---

⁴ Аристотель. Политика // Аристотель. Собр. соч. В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1984.

⁵ Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.

⁶ Лоренц К. Агрессия. - М.: Прогресс-Универс, 1994.

С другой стороны, различные политические системы могут придерживаться тактики преимущественного использования коммуникации, т.е. переговоров и отказа от насилия в отношениях друг с другом. В этом случае они создают международные институты, как формальные, так и неформальные, которые гарантируют сохранение устойчивых образцов общения между политиями. Институты также обеспечивают сохранение мира и устойчивый переход в отношениях между международными субъектами в план сотрудничества.

Однако как тактика насилия, так и тактика переговоров легко сменяют друг друга. Конфликты вокруг интерпретации международных институтов порождают насилие между политиями. В то же время устойчивые балансы сил служат той основой, на которой возникают долговременные переговорные механизмы.

Для того, чтобы структуры мирового порядка стали возможными, необходимо возникновение достаточно регулярных коммуникационных взаимодействий между составляющими их политиями. Структуры мирового порядка возникают в относительно замкнутых системах коммуникаций. Ф. Бродель проанализировал эти относительно замкнутые системы как *миры-экономики* и *миры-империи*.⁷

Эти «миры» возникают в результате структурирования коммуникаций какими-то естественными или искусственными границами, создающими серьезные препятствия для трансграничных контактов на определенном этапе исторического развития. Примерами таких границ являются океаны, почти непреодолимые для галер или каботажных судов древности и средневековья, мощные горные хребты, джунгли или непроходимые пустыни создающие преграды для коммуникаций.

По мере роста технического могущества человечества «естественные» границы приобретают все более искусственный характер. В них

---

⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 3. М.: Прогресс, 1992.

превращаются разрывы между общностями, связанными едиными культурно-цивилизационными или политико-идеологическими коммуникационными кодами (например, Respublica Chrisitana, позднее – западный мир, и мир ислама, «свободный мир» и «коммунистическая система»). По мере разворачивания процессов глобализации границы, мешающие устойчивым коммуникациям, во все большей мере стираются. Глобальный социум постепенно превращается в единую систему коммуникаций, а, следовательно, в единую структуру мирового порядка. Здесь следует оговориться, что степень упорядоченности коммуникаций внутри этой системы еще недостаточно высока, а, следовательно, пока еще велика степень хаоса внутри глобальной коммуникационной системы.

Приведенные выше рассуждения об эволюционном изменении типов границ между структурами мирового порядка дают нам возможность сформулировать одну из важных эмпирических закономерностей, наблюдающихся на протяжении практически всей мировой истории.

По мере исторического развития происходит неуклонное укрупнение структур мирового порядка, вплоть до возникновения глобальной системы. Достаточно часто это укрупнение идет по принципу «матрешки»: старые структуры встраиваются в новые, превращаясь в их подсистемы. В то же время это усложнение структур наблюдается, прежде всего, на длительных исторических периодах. В более короткие периоды может происходить и дробление структур мирового порядка. Однако за этим следует новый период роста.

По мере роста численности населения, освоения все новых ландшафтов, развития политико-организационных и военных навыков растут и размеры политических систем. Политии мирно сливаются или насильственно поглощают друг друга. Совершенствование транспорта и систем коммуникаций, развитие мировой торговли ведут к увеличению контактов между отдаленными друг от друга политиями. Эти контакты становятся регулярными, постепенно структурируются.

Таким образом, причиной сформулированной выше закономерности является, прежде всего, историческое развитие средств коммуникаций.

Исторический пример 1. Рост структуры мирового порядка вокруг Средиземного моря в IV тысячелетии до н.э.- I тысячелетии н.э. Первоначально, в первой половине IV тысячелетия до н.э. по берегам Нила возникают отдельные политические, хозяйственные и культовые центры – номы. Они складываются вокруг ирригационных систем. Между соседними номами возникают устойчивые контакты. Последние образуют автономные структуры мирового порядка, каждая из которых пока еще даже не охватывает весь исторический Египет.

Во второй половине IV тысячелетия до н. э. номы объединились в Верхне-Египетское и Нижне-Египетское царства. Постепенное объединение этих протогосударств в единую централизованную империю пришлось на 3050—2715 гг. до н. э. (время правления I и II династий или Ранний период).

Наибольшего расцвета объединенный Египет достиг в период Нового царства (XVIII—XX династии, с 1580 до 1085 г. до н. э.). Границы страны на севере дошли до северной Сирии и Евфрата, а на юге до четвертого порога Нила. Одновременно Египет становится частью системы великих держав на Ближнем Востоке, вступая в постоянные дипломатические отношения с Вавилонией, сирийскими и палестинскими царствами, Миттани, Хеттской империей. К этому времени относится, например, дипломатический архив, найденный в построенном фараоном-реформатором Эхнатоном городе Ахетатон. Степень культурных контактов и экономической интеграции Египта с Ближним Востоком в период Нового царства становится достаточно высокой. Правда, эти контакты сдерживались сильной централизованной властью и слабым (по сравнению с Месопотамией, Финикией, Сирией и Палестиной) развитием товарно-денежных отношений в Египте.

В начале IV в. до н.э. возникает новый центр мировой интеграции в Македонии. В 332 г. до н.э. Египет завоевал Александр Македонский. После его смерти Египет превратился в самостоятельное эллинистическое царство под властью династии Птолемеев. При этом страна стала органической частью эллинистического мира, включавшего в себя все Восточное Средиземноморье. Александрия – новая столица Египта – была настоящим центром торговли, культуры и образования. Существовала развитая система дипломатических и политических отношений между различными эллинистическими царствами (Египтом, Сирией, Македонией, Пергамом и др.), а также независимыми или автономными полисами.

Рим становится мировой державой после победы над Карфагеном во II в. до н.э. При Октавиане Августе Египет превращается в часть Римской империи. Так он вступает в коммуникационную систему, охватывающую все Средиземноморье. По мере распространения христианства он превращается также в часть христианского мира, затем – в важнейшую провинцию Восточно-римской империи. Здесь очевиден процесс иерархического надстраивания структур мирового порядка, постепенно охватывающий Средиземноморскую ойкумену.

2. Типы исторических ситуаций, в которых возникают структуры мирового порядка.

Отмеченная выше типология миров-экономик и миров-империй, разработанная Ф. Броделем, указывает на два основных способа укрупнения структур мирового порядка.

В случае миров-экономик речь идет о независимых или автономных политических системах, связанных между собой устойчивыми и регулярными коммуникациями (не только торгово-кредитными обменами, но и дипломатическими или политическими контактами, военными договорами, культурными обменами и межличностными сетевыми связями). В рамках таких «миров» неизбежно возникают устойчивые структуры мирового

порядка, связывающие составляющие их политии. При этом постепенное географическое расширение контактов по мере технического, экономического и социального прогресса означает и рост соответствующих «миров» как структур мирового порядка.

Однако можно ли рассматривать любую относительно замкнутую совокупность политий, так или иначе коммуницирующих между собой, в качестве структуры мирового порядка? В этой связи мы подчеркиваем *устойчивые и регулярные, т.е. упорядоченные коммуникации* как главный признак подобных структур. Если коммуникации между политиями еще не сложились в определенную устойчивую систему (пусть даже систему устойчивых конфликтов, т.е. определенное равновесие сил), то и о структуре мирового порядка нельзя говорить.

Примеры неупорядоченных контактов между политиями, как правило, относятся к ситуациям нашествия или переселения народов, встречающихся с другими народами. Причем обе стороны практически ничего друг о друге перед первыми своими встречами не знали.

Примерами столкновений подобного рода могут служить нашествия гуннов, венгров и монголов на Европу, походы Кортеса и Писсаро в земли ацтеков и инков, первые столкновения европейцев с жителями Океании и т.д. Само перечисление этих ситуаций показывает, что число их в истории было достаточно ограниченным, и они представляли собой, скорее, исключение, чем правило. Начиная с эпохи модерна, когда охватывающие планету коммуникации становятся очень плотными, ситуация встречи двух международных акторов, не имевших ранее никаких отношений между собой, становится все более редкой.

Однако по-прежнему может возникнуть случай, когда в сложившейся структуре мирового порядка возникают принципиально новые типы акторов. Акторы старого типа, в результате, встречаются с ситуацией, когда уже устоявшаяся система институтов начинает разрушаться, так как новые акторы ее не поддерживают. Примерами могут служить появление

тоталитарных государств, стремившихся к мировому идеологически мотивированному господству или к глобальному распространению своей идеологии в XX в. Существенная часть конфликтов прошедшего столетия была вызвана именно этими причинами. Причем, эти конфликты либо приводили к практически полному разрушению существовавшую структуру мирового порядка (II мировая война), либо создавали ситуации, чреватые последствиями подобного рода (кризисы периода «холодной войны»). В настоящее время серьезное реструктурирование мирового порядка связано с появлением глобальных террористических сетей как принципиально новых типов международных акторов.

Причиной кризиса сложившейся системы, кроме появления новых типов акторов, может стать и возникновение новых типов институтов, например, протестантизма в начале европейского Нового времени. Конфликт коалиций католических и протестантских государей уничтожил религиозно-идеологическое единство «христианского мира» и почти на два столетия (XV – XVI вв.) превратился в основной стержень европейской политики.⁸

В истории существует тип ситуации временного исчезновения уже сложившейся структуры мирового порядка, например, по причине войны, приведшей к полной деградации существовавших ранее формальных и неформальных институтов.

Подобные ситуации полного кризиса сложившейся структуры мирового порядка, предшествующего его радикальной структурной перестройке, в истории достаточно часты. Человечество совершенно не застраховано от них и в будущем.

Итак, мы обнаруживаем границу, обозначающую те типы исторических ситуаций, в которых возможно существование структур мирового порядка. Это – граница между устойчивыми и регулярными, т.е. упорядоченными

---

⁸ На который, естественно, нанизывались дополнительные моменты вроде католической Франции, выступавшей в Тридцатилетней войне на стороне протестантской коалиции.

коммуникациями между политиями и коммуникациями беспорядочными, неустойчивыми и нерегулярными.

3. Типология мировых порядков.

Проанализируем подробнее описанный выше класс ситуаций, в которых возможно существование структур мирового порядка. Это позволит нам найти типологию данных структур. Последнюю вполне можно представить как различные степени движения от баланса сил между независимыми политиями к гегемонии. В этом случае постепенное развитие структур мирового порядка означает увеличение координации действий отдельных политических систем и уменьшение конфликтов между ними, вплоть до возникновения политической системы, включающей в себя все политии данного мирового порядка в качестве подсистем.

Развитие мирового порядка происходит под действием создавших его гетерогенных сил: *конфликта или насилия*, направленного на установление господства, и *коммуникации или переговоров*, имеющих целью устойчивый мир. Две эти силы постоянно конкурируют между собой, создавая следующие комбинации:

- «*баланса сил*» или стабильной структуры конфликтов, поддерживаемых одновременно грубой силой и зачаточными регулярными коммуникационными практиками;

- «*концерта держав*» или баланса сил со стабильными переговорными институтами, позволяющими предотвращать конфликты и согласовывать интересы;

- «*всеобщего союза*» между политиями внутри структуры одного мирового порядка или ситуации осознанной взаимозависимости;

- «*либеральной гегемонии*» или структуры мирового порядка в отношениях между автономными политиями внутри одной политической системы; последняя может выступать и в форме гегемонии, легитимированной различными коммуникативными практиками.

- «централизованной гегемонии» - т.е. ситуации, когда структуры мирового порядка теряют свой международный характер и разворачиваются внутри одной политической системы. Однако, в дальнейшем, в случае распада этой системы, они вновь разворачиваются в качестве международной системы.

Таблица 1. Типология структур мирового порядка.

Порядковый номер	Наличие или отсутствие институтов мирового порядка	Тип ситуации или структуры мирового порядка
1	Нет	«Война всех против всех»
2	Есть	«Баланс сил» или создание стабильной системы конфликтов
3	Есть	«Концерт держав» или баланс сил с устойчивыми переговорными институтами разрешения конфликтов
4	Есть	«Всеобщий союз» или ситуация осознанной взаимозависимости
5	Есть	«Либеральная гегемония» или структура мирового порядка в отношениях между автономными политиями внутри одной политической системы
6	Есть	«Централизованная гегемония»

Насилие может проявляться со стороны: одной доминирующей силы; многих сил, уравнивающих агрессию друг друга; многих сил, координирующих свои позиции и подавляющих любые попытки подорвать стабильность, от кого бы они ни исходили.

Коммуникация может проводиться: путем молчаливого торга или открытого мирного соглашения между уравнивающими друг друга силами; на основе стабильной системы институтов и поддерживающих их режимов международных санкций; благодаря постоянным согласованиям позиций между одним гегемоном и автономными частями структуры мирового порядка.

Приведенную выше относительно простую типологию (состоящую из идеальных типов по веберовскому образцу) осложняют три дополнительных фактора.

1. Структуры мирового порядка часто достаточно сложным образом «входят» друг в друга и «нанизываются» друг на друга в виде «горизонтальной» иерархии систем и подсистем. При этом типы порядков в системах разного уровня вполне могут и не совпадать. Например, Индия в XIX в. была сама сложной и достаточно целостной структурой мирового порядка. Этот порядок либеральной гегемонии был составной частью Британской империи, также либеральной гегемонии. Последняя же была подсистемой Западного миропорядка, характер которого колебался между различными обозначенными выше типами.

2. Внутри одной и той же структуры мирового порядка могут органически сочетаться, по сути, противоречащие друг другу системы организации. Например, Западная Европа на протяжении Средневековья сочетала в себе принципы универсализма *Respublicae Christianae*, гарантированные институтами папства и империи, с партикуляризмом, выраженным системами феодализма и территориальных государств. Внутри этих пар, воплощавших принципы универсализма и партикуляризма, также

наблюдался очень серьезный конфликт: между папством и Священной Римской империей, между централизованными государствами и феодалами.

3. Один и тот же относительно географически, политически и культурно-цивилизационно замкнутый «мир» (например, Западный мир с начала нашей эры до конца XIX в.) может пережить достаточно много смен различных типов структур. Например, Римская империя в разные периоды колебалась между *«централизованной гегемонией»* и *«либеральной гегемонией»*. Варварские королевства в период «великого переселения народов» и в последовавшие «темные века» были в состоянии *«войны всех против всех»*.

В остальные периоды своей жизни исторический Запад колебался между тремя ситуациями: «баланса сил», «концерта держав» и «всеобщего союза».⁹ Причем, эти ситуации менялись достаточно быстро.

«Всеобщий союз» возникал в ситуациях складывания всеевропейских коалиций против «внутренних» или «внешних» врагов. Пример коалиций против «внутренних» врагов – «Священный союз» XIX в. против революционных сил. Примеры коалиций против «внешних» врагов: крестовые походы в Восточное Средиземноморье, крестовые походы и коалиционные войны против турок-османов, Крымская война европейской коалиции против России.

«Концерт держав» не был краткосрочным феноменом европейской истории XIX в. Монархии и республики Западной Европы достаточно легко находили общий язык и в предшествующие периоды. С крещения варварских королевств и вплоть до Реформации (XVI в.) этому весьма способствовало то, что Запад представлял одну сложную суперполитическую систему, *Respublica Christiana*. Последняя была тесно внутренне спаяна экономическим,

---

⁹ Существуют определенные соображения, позволяющие говорить, что Западный мир как таковой существовал лишь тогда, когда он представлял собой определенную структуру мирового порядка. В периоды Римской империи (которая в равной степени была предшественницей исламской или православной цивилизаций), а, тем более, в период существования варварских королевств он был, скорее, в потенциальном, чем в актуальном состоянии.

религиозным и культурным единством, сложными сетями междинастических браков и политических союзов.

Реформация и последовавшие затем религиозные войны между политиями и связанные с ними гражданские войны внутри государств частично разорвали единство этого мира. Однако конфликты между протестантами и католиками достаточно быстро структурировались в виде баланса сил, воплощавшегося в формах сложных коалиций. Коалиции и входившие в их состав политии постоянно следили за тем, чтобы отдельные государства серьезно не усилились, изменив общее соотношение сил.

Можно сформулировать гипотезу о том, что различные «миры» (создаваемые по признаку географической замкнутости, политико-экономической и культурно-цивилизационной общности) исторически характеризовались различными комбинациями типов порядков. Например, Запад и исламский мир пережили в своем развитии практически все типы структур мировых порядков. Последние отличались крайним разнообразием не только в плане исторической смены типов, но и в плане сложных сочетаний «горизонтальных» иерархий систем и подсистем.

Россия (Московия, Российская империя, СССР) и Китай (Традиционная Поднебесная империя и КНР) создавали локальные мировые порядки как международные системы в результате распада централизованных империй. Последние характеризовались нестабильностью и постоянными «войнами всех против всех». Поэтому периоды распада были относительно краткосрочными и вновь сменялись периодами централизованных гегемоний. Для исторической Индии, напротив, периоды политического единства были очень краткосрочными, а картина чередования типов структур мирового порядка – очень причудливой.

Описанная нами выше типология структур мирового порядка позволяет также оценить некоторые парадигмы, существующие в теории международных отношений. Каждая из них преимущественно концентрируется на тех или иных типах структур мирового порядка или

международных ситуаций, принимая их за базовые. В частности, традиционный «реализм» работает с ситуациями «войны всех против всех» или «централизованной гегемонии». ¹⁰ «Неореализм» теоретически воссоздает ситуацию «баланса сил». ¹¹ Традиционный «либерализм» («идеализм») и «неолиберализм» преимущественно интересуются ситуациями «всеобщего союза» или, хотя бы, «концерта держав». ¹²

4. Существует ли долговременная тенденция к эволюционному развитию структур мирового порядка?

Можно ли, хотя бы на основе анализа очень больших временных периодов, вычленить какие-то устойчивые закономерности, связанные с развитием структур мирового порядка, сменой различных их типов? Поскольку типология структур мирового порядка представлена на приведенной выше таблице 1 в виде постепенного возрастания степени единства человечества и уменьшения конфликтов, то может возникнуть искушение трактовать эту типологию в гегелевском духе как *линейно-эволюционную, т.е. последовательность фаз*.

В этом случае мы бы имели долговременную тенденцию к становлению супер-политических систем с усиливающейся централизацией и постепенную самоликвидацию системы международных отношений. По мере развития средств коммуникации и переговорных практик происходил бы

---

¹⁰ Последние, собственно, вообще не являются типами структур мирового порядка. Это связано с тем, что для реализма международные отношения – сфера анархии, хаоса и насилия, по определению. См. Morgenthau H. J. *Politics Among Nations*. N.Y., 1948.

¹¹ Gilpin R. *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981; Kindleberger Ch. *The World in Depression 1929-1939*. University of California Press, 1986; Waltz K. *Theory of International Politics*, N.Y. McGraw-Hill, 1979.

¹² Keohane R. O., Nye J. S. *Power and Interdependence: World Politics in Transition* Boston: Little, Brown and Company, 1977; Nye, Jr., Joseph S. *Understanding International Conflicts: An Introduction to Theory and History*, 4th edition. Longman, 2002; Rosenau J. N. *Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity*. Princeton, Princeton University Press, 1990.

рост международных институтов, вплоть до создания единой политической системы, состоящей из автономных единиц. Затем произошло бы и исчезновение этих автономий в пользу единой Земной политики. Все исторически возникающие конфликты, путем сложных коммуникативных контактов, не исключая и насилие, постепенно бы разрешились. Противоположности бы опосредовались в некоем глобальном синтезе, на основе которого можно было бы предсказать безоблачное будущее, обеспеченное единством человечества. Этот идеал всеобщего единства вдохновлял род *homo sapiens* на протяжении тысячелетий: царство агнца в Библии, универсальная монархия Данте, всеобщий мир И. Канта и т.д.

Внутри социальных наук, в целом, и теории международных отношений, в частности, существуют серьезные аргументы в пользу такой точки зрения. В частности, они сформулированы в теории эволюции кооперации Р. Аксельрода.¹³ Последняя представляет собой универсальную математическую модель, описывающую развитие взаимодействия в коммуникационной системе. Регулярность и повторяемость контактов ведут к преодолению дилеммы узника и к осознанию выгоды от кооперации. Эти выгоды заключаются в постепенном исчезновении конфликтов и выработке культуры сотрудничества. Существует очень большой соблазн автоматически перенести эту модель на развитие структур мирового порядка. В этом случае по мере развития систем коммуникаций и накопления исторического опыта регулярные контакты между политиями привели бы их к пониманию пользы от прекращения конфликтов и перевода всех взаимодействий в русло сотрудничества. Очевидные выгоды от последнего могли бы постепенно подкрепить эту тенденцию и сделать ее необратимой. Для поддержания сотрудничества были бы созданы стабильные формальные международные институты с системой санкций за их нарушение. На основе последних, со временем, сформировалась бы и мировая супер-полития.

---

¹³ Axelrod R. The Evolution of Cooperation. New York, 1984.

Перечисление выгод от международного сотрудничества само бы заняло целую статью, поэтому назовем лишь некоторые: торговые, научно-технологические, культурные обмены; развитие трансграничного кредита; рост специализации экономик и, благодаря этому, повышение производительности труда; свободное движение населения, интенсификация межличностных контактов, включая дружеские отношения и браки; прекращение войн и снижение военных расходов; возможность сотрудничества в решении глобальных проблем, носящих трансграничный характер (от социальных до экологических).

Приведенная выше упрощенная модель эволюции структур мирового порядка основана на представлении о том, что существует некая универсальная и абсолютная рациональность международных акторов, которая может получить воплощение в устойчивых формальных институтах переговоров. Это допущение достаточно нереалистично. Его, в частности, опровергают авторы неоинституционального направления.

Работы Г. Саймона показывают, что реальные социальные акторы ведут себя в соответствии с «ограниченной рациональностью».¹⁴ Ограниченность рациональности означает неспособность просчитать все «рациональные варианты развития событий и, следовательно, необходимость опираться при принятии решений на некоторые «принципы» которые и фиксируются в политической культуре и социальных институтах. Отсюда немедленно следует отсутствие универсальности «ограниченной рациональности», многообразие ее типов. Именно так Д. Норт вводит понятие «культуры» как системы неформальных институтов.¹⁵ Последние играют решающую роль в интерпретации и изменении формальных институтов.

---

¹⁴ Simon H.A. Models of Bounded Rationality. Vol. 1 – 2. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1982.

¹⁵ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.

То, какую роль культура и ограниченная рациональность реальных акторов играют в рефлексивных играх, показывают, в частности, работы Т. Шеллинга.¹⁶

Наличие «ограниченной рациональности» частично объясняет, почему до сих пор структуры мирового порядка не демонстрировали устойчивой тенденции к снижению конфликтов. Причиной является большое эмпирически наблюдаемое различие не только между культурами, но даже субкультурами в рамках одной культуры. Культуры отличаются не только жизненным опытом больших масс людей (например, степень готовности решать конфликты миром), но и системой ценностей и (во многих случаях) представлениями о базовых структурах реальности.¹⁷

В качестве аргументации возможности установления всеобщего мира в этом плане высказывается гипотеза о постепенном возникновении мировой культуры по мере развития средств коммуникации.¹⁸ Последняя является предпосылкой возникновения устойчивых формальных институтов. Эта теория представляется намного более реалистичной, чем та, что была построена на предположении о наличии у людей универсальной рациональности.

Выше мы сформулировали в качестве эмпирической закономерности гипотезу о постоянном поступательном росте структур мирового порядка по

---

¹⁶ Schelling T C. The strategy of conflict. Cambridge, MA, 1960.

¹⁷ Подробнее эта точка зрения аргументируется в работе: Бирюков Н. И., Сергеев В. М. Становление институтов представительной власти в современной России. - М.: Летний сад, 2004.

¹⁸ Наиболее последовательно эту теорию высказывали первоначально гегельянцы. Неудивительно, что она легла в основу знаменитой работы Фукуямы (Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., ООО «Издательство АСТ», 2004), ссылавшегося на Гегеля в интерпретации В. Кожева (Кожев, А. В. Идея смерти в философии Гегеля / Пер. с фр. и послесл. И. Фомина. — М.: Логос; Прогресс-Традиция, 1998; Кожев, А. В. Введение в чтение Гегеля: Лекции по Феноменологии духа, читавшиеся с 1933 по 1939 г. в Высшей практической школе. СПб.: Наука, 2003.). Однако предположение о возникновении глобальной культуры характеризует не только современных неогегельянцев. Это, в частности, является одним из моментов ряда постмодернистских теорий. См.: Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. Москва: Институт экспериментальной социологии, Санкт-Петербург: Издательство "АЛЕТЕЙЯ", 1998.

мере исторического развития. Увеличение структур мирового порядка благодаря развитию систем коммуникаций идет рука об руку и со становлением все более универсальных культурно-цивилизационных систем: именно так в свое время возникли, например, современный Запад и исламский мир.

Однако означает ли это постепенное и неуклонное снижение конфликтов по мере становления все более универсальных культурных систем? По-видимому нет, поскольку ни в рамках Западной цивилизации, ни в рамках исламского мира, ни в рамках какой-либо другой культурно-цивилизационной общности до сих пор не удавалось ликвидировать конфликтность. Периоды снижения конфликтности в реальности всегда чередовались с периодами ее роста. Почему же мы тогда должны ожидать устойчивого снижения конфликтов в результате становления общемировой культуры?

Мы можем предположить, что существуют определенные ограничения для эволюционного роста международных институтов внутри структуры мирового порядка.

Обратимся теперь к анализу этих ограничений.

1. Рассматриваемая проблема по ряду аспектов сходна с классическим экономическим вопросом о пределах концентрации производства (в обоих случаях речь идет о постепенной централизации принятия решений для обеспечения координации деятельности отдельных субъектов). Концентрация производства до определенных пределов ведет к повышению эффективности, например, за счет экономии на масштабах производства и снижении расходов на управление. Однако уже после определенного предела управление начинает терять эффективность из-за излишней громоздкости бюрократического аппарата, потери инициативности и невозможности реализовывать новые идеи в излишне рутинизированной структуре.

В политэкономии эта проблема концентрации приняла вид дискуссии о том, что лучше: хаос рынка или сознательное планирование

государственными органами? Важные ограничения на возможность централизованного планирования были сформулированы Ф. Хайеком.¹⁹ Речь идет о принципиальной невозможности из одного центра контролировать информационные потоки на многих нижележащих уровнях. Следовательно, доля хаоса и самоорганизации необходима для эффективности процессов управления. *Этот вывод имеет важные последствия для структур мирового порядка: существуют устойчивые основания для необходимости сохранения в их рамках элементов неорганизованности и конфликтов.*

Правда, последние вполне могут быть не столь разрушительными, как это часто наблюдалось в прошлом, и имеет место до сих пор. В частности, конфликты могут быть опосредованы некими мета-институтами, включающими в себя правила разрешения первых с минимизацией насилия. Собственно говоря, эта идея постоянно и реализовывалась в различных видах международных институтов, начиная с правил ведения войн.

Если бы речь шла только о невозможности для централизованных механизмов эффективно использовать имеющуюся информацию, то можно было бы высказать предположение, что будущая глобальная система превратится в совокупность автономий, подчиненных мировому правительству. Однако существуют и другие факторы, ведущие к росту конфликтности и распадам структур мирового порядка.

2. Возникновение новых типов акторов или новых неформальных институтов внутри устоявшейся структуры мирового порядка может полностью ее дестабилизировать или даже уничтожить. Причиной является то, что старые институты разрешения конфликтов были предназначены для старых акторов, они могут вообще перестать работать в отношении с новыми их типами. Так, например, до сих пор не существует эффективного решения проблемы негативного воздействия террористических сетей на современный миропорядок. Новые неформальные

---

¹⁹ Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. М., 1992; Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 2005.

институты могут вступить в противоречие с существующими формальными институтами и даже привести к полному их разрушению. Примерами могут служить возникновения протестантизма в XVI в. или глобального исламского экстремизма в конце XX в.

3. Рациональность людей не универсальна и отнюдь не всякие противоположности могут быть успешно синтезированы и, следовательно, не всякие конфликты мирно разрешены. Поэтому *всегда возможны распады структур мирового порядка или снижение степени интеграции внутри них из-за внутренних противоречий, которые не удается разрешить путем переговоров.* Западный мир XIX в., включая колониальные системы, был по ряду параметров (как мы продемонстрировали выше на примере Британской империи) более глобализован, чем современный. Однако этот уровень глобализации был разрушен I Мировой войной. История знает огромное количество примеров распавшихся либеральных гегемоний.

Итак, сложное взаимодействие центробежных и центростремительных сил то создает, то разрушает структуры мирового порядка, а также вызывает постоянную осцилляцию между различными степенями интеграции внутри нее. Прямой эволюции типов от более конфликтных к менее конфликтным не наблюдается. Тенденция к постепенной институционализации взаимодействий политий в мировой истории достаточно неустойчива.

4. Идеологические конфликты.

Существует еще один аргумент, который говорит в пользу даже повышения конфликтности по мере территориального распространения однородных неформальных институтов. Речь идет об *идеологических конфликтах*. Последние представляют собой не просто столкновение каких-либо интересов, но и столкновение последовательных систем взглядов и ценностей, в рамках которых эти интересы осмысляются и легитимируются.

Идеологический конфликт имеет рефлексивную природу. Поэтому он разворачивается уже на двух уровнях: уровне эмпирического насилия и уровне борьбы идей. Таким образом, он представляет собой вариант двухуровневой игры.²⁰

Идеологические конфликты впервые вступили в поле зрения социальных наук в начале-середине XIX в. При этом, вследствие особенностей рефлексии как таковой, эти исследования как отражали рост конфликтности такого рода в западном обществе, так и сами провоцировали этот рост. Целый ряд теоретиков второй половины XIX - начала XX в. осмыслил идеологические конфликты как культурно-цивилизационные.²¹ Затем различные аспекты идеологических конфликтов в структурах мирового порядка были исследованы в рамках геополитики²² и современных культурно-цивилизационных теорий международных отношений (последние

---

²⁰ Логика двухуровневой игры проанализирована Р. Патнемом на примере международных отношений. См. Rutnam, Robert. *Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games*. – "International Organization", 1988, № 42, p. 427–460.

²¹ Данилевский Н.Я. *Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому*. М., 1991; Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т. 1: Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993; Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории*. Т.2. *Всемирно-исторические перспективы*. М: Издательство Мысль, 1998; Тойнби. А. *Постижение истории*. М.: Прогресс, 1990.

²² Ratzel F. *Politische Geographie*. Munich: R. Oldenbourg, 1897; Mahan A. *The Influence of Seapower upon History 1660-1783*. London, 1890. Mahan A. *The influence of sea power upon the French revolution and empire*. Boston, 1892; Vidal de la Blache "Principes de geographie humaine", Paris, 1921; Маккиндер Х.Дж. *Географическая ось истории* // *Полис*. № 4 1995; Mackinder H. *Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction*. New York, 1919; Mackinder H., "The Round World and the Winning of the Peace," *Foreign Affairs*, vol. 21, no. 4, (July 1943); Трубецкой Н. *О туранском элементе в русской культуре* // *Евразийский временник*, 1925, кн. 4, с. 351-377; Савицкий П. *Степь и оседлость* // *На путях: Утверждение евразийцев*. Москва; Берлин, 1922; Хаусхофер К. *О геополитике. Работы разных лет*. М.: Мысль, 2001; Schmitt C. *Der Nomos der Erde*, Koeln, 1950; Schmitt C. *Land und Meer*. Leipzig, 1942; Spykman N. *The Geography of the Peace*, New York: Harcourt, Brace and Company, 1944; Spykman N. *America's Strategy in World Politics: The United States and the Balance of Power*. New York: Harcourt, Brace and Company, 1942.

могут включать в себя конструктивистские, постмодернистские и «цивилизационные» теории)²³.

Идеологические конфликты могут возникать как внутри политий одной структуры мирового порядка, так и между различными структурами мировых порядков. В первом случае столкновения между политическими системами часто сопровождаются гражданскими войнами внутри этих систем. Во втором случае каждый из мировых порядков рассматривает противостоящую ему структуру как «мир варварства», противопоставленный «цивилизации». Одним из первых известных примеров конфликтов подобного рода были Греко-персидские войны. Именно заданная ими структура идеологического конфликта предрешила оппозицию «Европа – Азия», которая играет столь большую роль для современного мира. Не менее интересным примером идеологического конфликта между двумя «мирами», где оба мира оставили письменные источники, в которых описывали друг друга как варваров, были Крестовые походы.

Идеологические конфликты могут носить и характер столкновения двух подструктур внутри одной структуры мирового порядка. Наиболее очевидным примером здесь является «холодная война». И «свободный мир» и «коммунистический лагерь» представляли собой подструктуры одной структуры мирового порядка.

---

²³ Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999; Wendt A. Anarchy is what states make of it.// *International Organization* 46: 391-425, 1992. Wendt A. Collective identity formation and the international state // *American political science review*. # 88. 1994; Onuf N. G. *World of Our Making: Rules and Rule in Social Theory and International Relations*. Columbia: University of South Carolina, 1989; Kratochwil F. V.. *Rules, Norms and Decisions* Cambridge: Cambridge University Press, 1989; *International /intertextual relations: postmodern reading of world politics / edited by James Der Derian, Michael J. Shapiro*. New York: Lexington Books, 1989; CAMPBELL D. *Writing Security: United States Foreign Policy and the Politics of Identity*. Minneapolis: University of Minnesota Press. 1992; Walker R. *Inside/outside: international relations as political theory*. By Cambridge: Cambridge University Press. 1993; Weber C. *Simulating Sovereignty - Intervention, the State, and Symbolic Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995; Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

В целом, анализируя идеологические конфликты в рамках структур мирового порядка, можно прийти к выводу о том, что человечество, по мере своего развития, демонстрирует склонность к резкому увеличению их количества, масштабов и интенсивности.

5. *Какие внешние факторы могут повлиять на структуры мирового порядка?*

Представляют ли собой структуры мирового порядка не только аналитически, но и реально относительно обособленный объект изучения? Может ли их изучение составить отдельную субдисциплину внутри изучения глобальных проблем (global studies)? Для ответа на эти вопросы нужно понять, насколько внутренняя логика развития этих структур относительно обособлена от внешних факторов. Если такая относительная обособленность, т.е. некая собственная логика развития существует, то конституирование соответствующей дисциплины вполне может иметь под собой основания.

Существуют *очень серьезные и трудно оспариваемые аргументы в пользу взаимозависимости между процессами на национальном и международном уровне*. В частности, они позволили конституировать «мировую политику» как специфическую промежуточную дисциплину между политологией и изучением международных отношений.²⁴

Однако как отражается наличие подобной бесспорной зависимости внутри анализа структур мирового порядка как специфической субдисциплины, имеющей собственную автономную логику, независимой от логики «мировой политики»? Попробуем, прежде всего, проанализировать взаимосвязь между типом организации структур мирового порядка и типом политических систем, входящих в этот мировой порядок.

Казалось бы, логично предположить, что более демократичные государства, предпочитая насилие переговорам внутри своей страны,

---

²⁴ Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе// Международные процессы. Том 2. Номер 1 (4). Январь-апрель 2004.

создают и более высокоинституционализированные, основанные на мирном диалоге, структуры мирового порядка. В то же время, более авторитарные государства, регулярно практикующие насилие во внутренней политике, должны были бы чаще использовать его и во внешней. Основание для этой гипотезы заключается в том, что внутренняя и внешняя политика образуют определенное единство, в котором проявляются одни и те же ценности и цели. *Исторический анализ показывает, что на длительных исторических периодах прямая зависимость здесь наблюдается отнюдь не всегда.* Очень часто она искажается большим количеством различных факторов политической культуры демократических наций (расизм, «двойные стандарты», национализм и национальный эгоизм и т.д.).

Демократические государства могут создавать достаточно высокоинституционализированные и низкоконфликтные структуры мирового порядка с очень низкой долей насилия («концерт держав» или «всеобщий союз»). Примером может выступать современная Европа-ЕС как отдельная автономная структура мирового порядка, состоящая из демократий. Однако достаточно часто полиархичные государства создавали (или пытались создать) централизованные гегемонии.

США считается одним из образцов современной демократии. Тем не менее, создание этого государства привело к уничтожению целой автономной структуры мирового порядка. С момента начала Войны за независимость (1775—1783 гг.) штаты имели большую самостоятельность, в том числе, во внешнеполитических делах. После принятия Конституции США (17 сентября 1787 г.) эта независимость приобрела остаточный характер. После Гражданской войны (1861—1865) она окончательно исчезла.

Сторонники наличия прямой зависимости между структурой мирового порядка и устройством составляющих его политий сформулировали

известное правило: «демократии не воюют с демократиями».²⁵ Последнее имеет определенные основания лишь для западной истории, начиная с середины XIX в. (т.е. для демократий современного типа), и, потому, не может быть принято в качестве универсального правила для всех полиархий.²⁶ До середины XIX в. примеры войн между собой полиархий или прото-полиархий достаточно часты: между греческими полисами, итальянскими городами-государствами. Уже упоминавшаяся война за независимость США протекала против достаточно полиархичной Великобритании. В ходе революционных войн республиканской Франции ее армии оккупировали не только территории монархий, но и целого ряда полиархических республик (Республики Соединенных провинций, Венеции, Швейцарии).

Но правило о невозможности войн между демократиями современного типа отнюдь не означает, что последние не могут применять насилие и даже создавать централизованные гегемонии по отношению к более «отсталым» народам, имеющим политические системы другого типа. Так демократическая Франция с конца XIX в. до середины XX в. поддерживала централизованную колониальную империю. Правда, для идеологического обоснования существования этой империи приходилось применять по «двойному стандарту» прогрессистско-демократическую идеологию.

В свою очередь авторитарные государства вполне могут создавать структуры мирового порядка, отличающиеся достаточно высокими степенями автономизации. Примерами могут выступать арабский халифат и монгольская империя на более поздних этапах их существования.

---

²⁵ На этом правиле основано даже предположение о «конце истории». См.: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., ООО «Издательство АСТ», 2004.

²⁶ Это наше утверждение синонимично положению о том, что демократии современного типа, сложившиеся в середине XIX в., являются лишь одной разновидностью полиархичных структур (см. Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven and London: Yale University Press, 1971). В то же время, правило о невозможности войн между демократиями может относиться лишь к этой одной из разновидностей.

Итак, можно в качестве эмпирической закономерности вывести определенную степень независимости типов мирового порядка от типов устройства составляющих их политий. Авторитарно-иерархические политии не обязательно уничтожают автономию подчиненных им политий. Напротив, либеральные демократии иногда это делают. Авторитарно-иерархические политические системы часто охотно включаются в высокоинституционализированные структуры мирового порядка. В то же время, демократии иногда стремятся к созданию централизованных гегемоний.

Значительно более прямой эмпирической закономерностью представляется нам взаимосвязь стабильности мирового порядка и степени стабильности входящих в него политий. Выше мы уже писали о том, что возникновение новых политий-международных акторов или новых институтов может привести к серьезной дестабилизации структуры мирового порядка. Особенно тенденцию к дестабилизации может усилить быстрота возникновения новой ситуации, не дающая структуре мирового порядка времени на адаптацию. Именно к такой дестабилизации автономной системы мирового порядка в Западной Европе привели появление протестантизма и протестантских государств в XVI в., распространение революционно-демократических идей Французской революции в начале XIX в., возникновение тоталитарных идеологий и государств в первой половине XX в.

Выше мы уже писали об отсутствии в долговременной перспективе линейной эволюции структур миропорядка. Следовательно, наблюдаемый прогресс в уровне развития экономических, политических и культурных связей, которые разворачиваются внутри данной структуры мирового порядка, не обязательно ведет к его эволюции в сторону повышения институционализации и минимизации насилия.